

Мелисса Моран

Чёрная Луна

18+

Hedera Helix

Мелисса Моран

Черная лилия

«Автор»

2026

Моран М.

Чёрная лилия / М. Моран — «Автор», 2026 — (Hedera Helix)

Некоторые дома не умирают. Они засыпают — чтобы однажды проснуться и потребовать новую жертву. Молли всегда казалось, что её семейная история обрывается где-то в тумане, за прабабушкой Лилиан. Ни записей, ни документов, только смутное беспокойство, которое бабушка носит в себе десятилетиями. Всё меняет старая фотография в пыльном альбоме: девочка-подросток Лилиан и рядом с ней её точная копия — сестра-близнец Амелия. И подпись: «Чёрная Лилия». Амелия исчезла. Её имени нет ни в одном семейном предании. Но она жива и по сей день — в заброшенном особняке в глуши Уэльса, где стены помнят больше, чем люди, а в саду цветут лилии цвета старой крови. Молли отправляется туда, чтобы узнать правду. Но правда в «Чёрной Лилии» — не то, что скрыто. Она то, что ждёт. За чугунной решёткой, в обрамлении чёрных лепестков, под неумолимым взглядом окон-глазниц. «Добро пожаловать. История уже началась. Она всегда была начата. Осталось лишь переступить порог.»

© Моран М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1. Лилиан.	6
Глава 2. Амелия.	9
Глава 3. Чай с чёрными лилиями	11
Глава 4. Первое дыхание дома	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мелисса Моран

Черная лилия

Пролог.

Некоторые дома не умирают. Они засыпают — каменным, беспокойным сном, в котором время течёт не вперёд, а по кругу, как ржавая вода в застоявшемся пруду. Они дремлют, укрытые плющом-саваном, и ждут. Не хозяев — их у таких мест не бывает. Они ждут продолжения. Очередного акта в пьесе, сценарий которой написан не чернилами, а тишиной, страхом и обещаниями, данным в тумане давно минувших сумерек.

Где-то в глубине Англии, там, где холмы становятся темнее, а туманы — гуще и слаще, стоит такой дом. Дорога к нему забыта картами и зарастает одурманенным черникой и боярышником. Воздух там пахнет не землёй, а памятью: влажным камнем, тлением шёлка и чем-то ещё — тяжёлым, приторным, сладким до тошноты. Это запах лилий. Чёрных лилий. Они цветут в саду, которого нет ни в одном садоводческом каталоге, а их пыльца окрашивает сумерки в цвет старой крови.

В таком доме стены помнят больше, чем люди. Они впитывают шёпоты, слёзы, звук падения тела на отполированный паркет. Они хранят не тепло, а холод — глубокий, костяной, идущий из самой сердцевины фундамента. Такой дом не принадлежит семье. Это семья принадлежит дому. Он впускает их под свою сень, позволяет расставить мебель, разжечь камин, повесить портреты в золоченых рамах. А потом медленно, не спеша, начинает плести из их жизни гобелен — узорчатый, неотвратимый и бесконечно печальный. Дом вплетает в него любовь, превращенную в одержимость, верность, обернувшуюся проклятием, и долг, ставший вечностью.

И стоит лишь одной нити в этом гобелене задрожать — родится любопытство, проронится вопрос, найдётся старая фотография в пыльном альбоме — как дом просыпается. Он не шевелится. Он просто... обращает внимание. Его молчание становится внимательным, тяжёлым, оценивающим. Дорога, заросшая мхом, на мгновение кажется проходимой. Ключ, потерянный десятилетия назад, находится в самом очевидном месте. Приглашение написано не на бумаге, а в самой крови, что течет по жилам последних наследников.

Потому что у каждой семейной тайны есть цена. И у каждой тени — источник света, который её отбрасывает. Но что, если свет исходит не от солнца, а от холодного, мерцающего пламени в глубине камина, что никогда не гаснет? Что, если тайна — не то, что скрыто, а то, что ждёт? Ждёт за чугунной решёткой, в обрамлении лилий, под неумолимым взглядом окон-глазниц.

Добро пожаловать. История уже началась. Она всегда была начата. Осталось лишь переступить порог и узнать, какую роль в ней отвели вам.

Глава 1. Лилиан.

Лондонский дождь стучал по стеклу оконной рамы упругими, назойливыми каплями. Молли отложила в сторону ноутбук — очередная попытка составить связное генеалогическое древо упёрлась в глухую стену. Всё, что было до прабабушки Лилиан, тонуло в тумане: никаких записей, никаких упоминаний, будто семья материализовалась из ничего.

С отчаяния она полезла на пыльный чердак своей маленькой квартирке, где хранились коробки с семейным архивом, переданные ей бабушкой Лилиан. Бабушка всегда говорила об этом с легкой, почти неуловимой гримасой — не страха, а усталого отвращения, как от давно зажившей, но некрасивой раны.

В третьей коробке, под стопкой выцветших салфеток и старых школьных грамот, Молли нашла его. Массивный кожаный альбом с потускневшим тиснением в виде вьющегося плюща. Обложка была холодной и влажной на ощупь, хотя на чердаке царил сухая жара.

Она открыла его на середине. Старинные фотографии, приклеенные угольными уголками, смотрели на неё лицами из другого времени. Строгие дамы в корсетах, мужчины с непроницаемыми взглядами. И вот она — молодая бабушка Лилиан. Ей было лет двенадцать. Она стояла в саду перед огромным, мрачным особняком, которого Молли никогда не видела. Лицо Лилиан было прекрасным, но на нём лежала печать недетской грусти, а глаза смотрели куда-то мимо объектива, в какую-то свою, невидимую другим даль.

Молли перевернула страницу. И замерла.

На следующем снимке были две девушки. Одна — всё та же Лилиан, в том же платье. Вторая — её зеркальное отражение, и всё же нет. Черты лица те же, но заострённые, будто выточенные из более жёсткого материала. Волосы не ниспадали мягкими волнами, а были собраны в тугий, не терпящий непослушания узел. И взгляд... Взгляд второй девушки смотрел прямо в объектив. Тёмный, пронзительный, полный такой немой, ледяной ярости, что Молли невольно отодвинула альбом.

На обороте, изящным, но уже поблёкшим почерком, было выведено: Лилиан и Амелия. «Чёрная Лилия».

Амелия. Этого имени не было ни в одном семейном предании, ни в одном документе. У бабушки была сестра-близнец. И она исчезла.

Сердце Молли забило чаще. Это был прорыв. Тайна. Та самая зацепка, которой ей не хватало. Она схватила альбом и почти сбежала вниз, в гостиную, где её бабушка Лилиан, теперь уже хрупкая, как сухой осенний лист, вязала у камина.

— Бабушка, — выдохнула Молли, кладя альбом перед ней на журнальный столик. — Кто это?

Лириан взглянула на фотографию, и её спицы замолчали. На её лицо, обычно мягкое и умиротворённое, сползла тень. Не печаль, а нечто более глубокое и холодное — благородный ужас.

— Откуда ты это взяла? — её голос, всегда такой тёплый, стал сухим и скрипучим.

— На чердаке. В альбоме. Ты никогда не говорила, что у тебя была сестра. Амелия. Что с ней случилось? Где этот дом «Чёрная Лилия»?

Лириан медленно отложила вязание. Её руки слегка дрожали.

— Забудь, Молли. Закрой этот альбом. Выбрось его, если хочешь. Некоторые корни лучше не тревожить. Они уходят не в землю, а во тьму.

— Но я должна знать! — настаивала Молли, её любопытство теперь перевешивало осторожность. — Это наша семья. Моя история. Почему о ней никто никогда не говорил? Почему ты уехала оттуда?

Лириан долго смотрела на пляшущие в камине язычки пламени, будто ища в них ответы или силы.

— Я уехала, чтобы жить, — наконец прошептала она. — А она осталась, чтобы... чтобы жила я. Чтобы жила ты. — Она повернулась к внучке, и в её глазах Молли увидела отблеск того же пронзительного, бездонного ужаса, что и на фотографии у Амелии. — Ты хочешь правду, дитя моё? Правда эта — не для живых. Она для тех, кто уже наполовину принадлежит тому месту. Она, как ржавая пыль — вдохнёшь, и она останется в тебе навсегда.

— Я хочу знать, — твёрдо сказала Молли, хотя холодок уже пробежал по её спине. — Всё.

Лириан вздохнула. Этот вздох казался бесконечно усталым, будто она несла его в себе десятки лет.

— Хорошо, — сказала она, и её голос стал тихим, как шорох мёртвых листьев. — Но помни — ты сама попросила. «Чёрная Лилия» — не просто дом. Это живая могила. А Амелия... моя бедная, гордая Амелия... она его вечная смотрительница. И если дом до сих пор стоит... значит, она всё ещё там.

Лириан заговорила. Она говорила неспешно, отрывочно, опуская самое страшное. Но даже того, что она сказала, хватило, чтобы воздух в уютной гостиной стал гуще и холоднее. Она рассказала о воротах, о зарослях черных лилий, что поглощали звук, о запахе влажной земли и металла. О глазах Амелии, которые «видели слишком много».

К тому моменту, как она умолкла, в комнате стемнело. Дождь за окном превратился в сплошную чёрную стену.

— А что стало с вашими родителями? — спросила Молли, уже почти боясь ответа.

Лириан просто покачала головой, и в этом жесте была такая безысходность, что Молли не посмела спрашивать дальше.

— Так ты хочешь поехать туда? — вдруг спросила бабушка, и в её вопросе прозвучал не страх, а горькая резиньяция.

Молли кивнула. Она уже не могла отступить. Загадка стала частью её самой.

Лириан медленно поднялась, прошла к старинному секретеру и достала оттуда маленький железный ключ, почерневший от времени.

— Адрес я напишу. Но помни мои слова, Молли: если калитка откроется без скрипа... беги. Если увидишь в её глазах не ненависть, а понимание... беги быстрее. Потому что это будет значить, что дом уже присмотрел тебя себе. А он никогда не отпускает то, что считает своим.

На следующее утро Молли уже заказывала такси до вокзала. В кармане у неё лежал клочок бумаги с адресом где-то в глухих графствах Уэльса и тот самый железный ключ. В ушах звенели последние слова бабушки, сказанные ей вслед на пороге:

— И передай Амелии... что я помню. И что я просила прощения каждый день своей жизни. За то, что выбрала свободу.

Машина тронулась, увозя Молли от безопасного мира её квартиры и лондонских дождей — навстречу чугунным воротам, тёмному мху и правде, которая, как она начинала понимать, была гораздо страшнее любой выдумки.

Глава 2. Амелия.

Машина уехала, оставив Молли одну у чугунных ворот. «Чёрная Лилия» вблизи оказалась ещё массивнее и безмолвнее. Ржавые прутья узорной решётки напоминали спутанные ребра какого-то исполинского существа. Она толкнула калитку, ожидая скрипа, но та отворилась с тихим, масляным вздохом.

Дорога к дому была усыпана не гравием, а тёмным, почти чёрным мхом, поглощающим шаги. Воздух был неподвижным и густым, пахло влажной землёй, прелыми листьями и чем-то ещё — сладковатым и металлическим, как кровь на языке.

Прежде чем она успела подняться на крыльцо, массивная дубовая дверь отворилась. В проёме, залитая мраком прихожей, стояла старуха. Это должна была быть Амелия, но Молли представляла её себе иначе — благородной, измождённой горем графиней. Та, что смотрела на неё сейчас, скорее напоминала старую, одичавшую кошку.

На ней висело бесформенное платье цвета запёкшейся крови, а седые волосы, свалывшиеся в плотный войлочный колтун, были собраны в небрежный узел, из которого торчали обломки шпилек. Лицо — сеть морщин, прочерченных не годами, а постоянной гримасой недоверия. Но глаза... Глаза были теми самыми — пронзительными, тёмными и бездонными, как на фотографии. Они смотрели на Молли без тени удивления, будто её ждали всё это время.

— Ну, заходи, — ее голос был низким, прокуренным и скрипучим, почти мужским. — Чего застыла, как столб? Или передумала? Ума, что ли, хватило?

Молли, онемев, переступила порог. И мир перевернулся.

Снаружи особняк был воплощением запустения. Внутри же... Внутри он сиял.

Паркет под ногами отливал тёмным, жирным блеском, будто его только что натёрли воском. Стены, обитые бардовым штофом, были безупречно чисты. С огромной хрустальной люстры, висящей в центре холла, не свисало ни единой паутинки; тысячи подвесков сверкали, отражая пламя свечей в позолоченных канделябрах. Воздух был напоен ароматом старого дерева, ладана и воска — дорогой, печальный запах вечности.

И этот контраст — между внешним видом Амелии и внутренним убранством её дома — ошеломил Молли сильнее любой мистики. В её голове пронеслись обрывки мыслей: «Как?... Она же... Посмотрите на неё! Она не может держать в руках расчёску, а этот дворец... Он идеален. Безупречен. Что... Кто поддерживает здесь такой порядок?»

— Бабушка Лилиан... — начала Молли, запинаясь, чувствуя себя нелепой и маленькой в этом великолепии.

— Знаю, — резко оборвала её Амелия. Она стояла, скрестив на груди костлявые руки, и её взгляд был тяжёлым, как свинец. — По тебе, как по книге, читается. Та же дурацкая привычка — губы кусать, когда нервничаешь. Ну что, наследница? Приехала историю нашу

поковырять? Древо своё дополнить? — она фыркнула, и это прозвучало как сухой удар хлыста. — Только знай, корни у него не в земле, а в крови. И потревожишь — истечёшь.

С этими словами она повернулась и зашаркала вглубь зала, её бесформенное платье плыло за ней по идеальному паркету. Молли, всё ещё испытывая странную смесь восторга и леденящего ужаса, поняла, что отступать поздно. Правда была здесь. И она была гораздо страшнее и прекраснее, чем она могла представить.

Глава 3. Чай с чёрными лилиями

Амелия принесла чай в фарфоровых чашках с узором из чёрных лилий. Тонкий, почти невесомый фарфор казался парадоксом в её руках, покрытых сетью прожилок и старческих пятен.

— Она запретила тебе приходить, да? — спросила она, и её голос, ранее напоминавший скрип ржавых петель, смягчился, став всего лишь очень усталым.

Молли молча кивнула, чувствуя себя предательницей по отношению к бабушке, но не в силах солгать этим всевидящим глазам. Амелия горько улыбнулась, и в этой улыбке была вся бездна их с сестрой общей истории.

— Она всегда была умнее. Умела убежать. А я... — она сделала паузу, и её взгляд скользнул по сияющей гостиной, по идеальным складкам портьер, по сверкающей люстре. — А я осталась договариваться.

И в этот момент из гостиной, смешиваясь с треском поленьев в камине, донёсся звук. Тихий, фальшивый, настойчивый. Всего несколько клавиш. Кто-то неумело, с жутковатой настойчивостью пытался подобрать мелодию на расстроенном пианино.

Молли похолодела. Амелия же лишь вздохнула, как будто слушала надоедливого, но привычного соседа.

— Не обращай внимания, — сказала она, отхлебнув чаю. — Это мать. Она всегда хотела, чтобы мы учились музыке.

И под этот жутковатый, прерывистый аккомпанемент Амелия начала свой рассказ. Она говорила не спеша, подбирая слова, будто перебирая старые, окровавленные драгоценности. И дом оживал.

— Он требовал плату, — голос Амелии стал твёрдым, как сталь. — Не просто жизнь. Он требовал вечность. Чтобы кто-то остался. Чтобы любовь не ушла. Лилиан выбрала свободу. Я... выбрала долг.

Она посмотрела на Молли, и в её взгляде была не человеческая тоска, а нечто древнее и более страшное — спокойная ясность вечности, принятой добровольно.

— Ты хотела знать свои корни, дитя? — Амелия поставила чашку. Идеальный фарфор звонко стукнул о идеальное дерево стола. — Вот они. Они не в земле. Они — в этих стенах. В этой тишине. В этой крови, что до сих пор сочится из камней. Добро пожаловать в семью.

Глава 4. Первое дыхание дома

Амелия откинулась в кресле, и её взгляд утонул где-то в прошлом, за пределами этих бархатных стен. Фальшивые ноты с пианино затихли, уступив место её рассказу.

«Мы приехали сюда поздним летом, — начала она, и голос её потерял былую резкость, стал ровным, повествовательным. — Родители получили его за долги. Помню, как наш экипаж подъехал к этим воротам. Лилиан сжала мою руку так, что кости хрустнули. Она уже тогда знала... Прошептала: «Он смотрит на нас». А я... я видела лишь груду камней, требующую ремонта.

Первые дни были суетой. Я помогала матери расставлять мебель, считала трещины в штукатурке, составляла списки необходимого. Я верила в цифры, в списки, в то, что можно всё привести в порядок. А Лилиан... Она с первого дня будто потеряла часть себя здесь. Бродила по залам, прикасалась к стенам, шепталась с тенями в углах».

Амелия замолчала, прислушиваясь к тишине, которая была красноречивее любых слов.

«А потом дом начал... реагировать, — продолжила она, и в её глазах мелькнуло отголоски старого, холодного удивления. — Сначала это были мелочи. Лилиан теряла где-то ленту для волос, а наутро находила её аккуратно висящей на ветке старой липы в саду. Я говорила — ветер. Она утверждала, что ветер не может так аккуратно завязать бант.

Потом стали находить вещи, которых у нас не было. Засохший цветок, заложенный между страницами книги, которую читала Лилиан. Старинное серебряное зеркальце на её туалетном столике. Я списывала это на забывчивость матери или на прежних владельцев. Рациональное объяснение всегда находилось.

Но однажды ночью Лилиан разбудила меня. Она была бела как полотно и дрожала. «Я видела его, Лиана, — шептала она. — Он стоял в лунном свете у окна. Молодой, красивый... и такой печальный». Она описала его в мельчайших деталях. Чёрные волосы, тёмные глаза, шрам над бровью. Я, конечно, не поверила. Сказала, что это сон, игра лунного света. Но...»

Амелия сделала паузу, её пальцы сжали подлокотники кресла.

«Но на следующее утро, разбирая старый бюро, я нашла миниатюру. Портрет молодого человека. С чёрными волосами, тёмными глазами... и шрамом над бровью. Это был Томас. Случайность? Возможно. Но таких «случайностей» становилось всё больше.

Дом начал играть с нами. Вернее, с Лилиан. Он отвечал на её настроение. Если она грустила, в её комнате становилось тепло и пахло яблоками. Если она смеялась, где-то вдалеке раздавались весёлые, безумные трели старого музыкальной шкатулки. Она называла его «наш молчаливый друг». А я... Я начала вести дневник. Записывала все эти аномалии. Искала закономерности. Я всё ещё верила, что всему есть разумное объяснение. Но чем дольше мы жили, тем больше моя рациональная картина мира трещала по швам».

Она посмотрела на Молли, и в её взгляде читалась не утраченная вера, а нечто иное — понимание, что существуют вещи, которые нельзя объяснить, но с которыми можно заключить сделку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.